

Все мертвы, всё мертво!
поп,
рок,
искусство,
бог,
наша любовь
к тем, кого не стыдно назвать любовью всей жизни.

Все мертвы, всё мертво!
Мы живы.

Аве всем мертвецам, что держат нас на плаву!

Пей за них! Чтобы я простила
тебе очередной бокал.

И тогда
я увижу, как сверкают они:
вечные бунтари —
сила, характер и гений их
да пребудут в эпоху безвременья
только в твоих глазах
и моём возбуждённом мозгу.

Все мертвы, всё мертво!

Но только не в ту минуту,
когда ты улыбаешься всеми улыбками мира.
Я верю тогда во всё: даже в то, что этот стих будет иметь вес и без рифмы, типа "лира", "задира",
"секира".

"Ха!" вместо "Ах!" — смех вместо ритма!

Пока я люблю тебя, даже гнилое "люблю" живо.
Пока я люблю тебя, даже пыльное "верю" сверкает.
Пока я люблю тебя, повторы не надоедают.
И глагольные рифмы не злят.

Все мертвы, всё мертво!

Каких-то двадцать лет подряд
мы хороним великих людей,
читая:
"умер 3 мая 1610 года в возрасте 46 лет",
"умерла 31 августа 1941 года в возрасте 48 лет",
"умер 8 февраля 1837 года в возрасте 37 лет",
"умер 5 апреля 1994 года в возрасте 27 лет"
и далее, далее, далее...

Каких-то двадцать лет!
А уже верим, что они умирали,
а мы останемся живы.

Почему бы и нет.

Спасибо за всё,
Безумный.
Это "всё" я вижу в тебе.

И конца у стихов не будет.

- Я боюсь.
- Чего ты боишься?

И эта слепота наводит большой мрак.

*

Я тишины хочу, но не затишья,
В котором ненадолго затаишься –
И всё, как говорится: нет исхода, будет так.

Умрёшь – начнёшь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:

Я будто бы его и не узнала
(Хотя, конечно, сразу же узнала) –
Я будто бы его и не держала
(Хотя, конечно...),

Улица, фонарь.

Мне просто, но немного стыдно
(Когда бывает просто, нет стыда).
Я думаю о крови, музе, вилах,
О зле июля, о подарках ноября...
Я чувствую: мы это разделили.

Бессмысленный и тусклый...

нет,
Гудящий смыслами, палящий свет.
Мы перед ним, как перед Аполлоном.

*

- Чего ты боишься?

Боюсь, что, каким бы ни был ответ,
Он будет неполон.

Сегодня я,
Смеясь,
Не дам себе отчёта
Потрачу деньги, чтобы ты...

Нет, мы
Смогли сказать друг другу "здравствуй",
Тем языком, который нам доступен,
И без смущенья посторонних глаз.

Смеясь,
Мы глянем вниз,
Через окно,
Заметим,
Как в темноте дрожит фонарь.
Зато горит!

А что нам делать:
Гореть или дрожать?

Смеясь,
На радость и на зависть
Самим себе, иного образца,
Мы будем счастливы.

Затем ты скажешь:
"Интересно,
Что будет дальше,
Ну, с жизнью?"

Затем ты скажешь:
"Лучше нам не знать".

И тишина
Заставит нас расслышать,
Как я сжимаю твою руку

И как погас, но всё ещё дрожит фонарь.

Прошу, усмири свои ногти.
Счастье не спит под кожей.

Счастьем отмоем локти,
Счастьем наточим ножик,
Счастьем начистим обувь,
Счастьем прихлопнем муху.

Счастье забилося туда,
Куда не полезут руки.

Оно между старых плинтусов,
Оно на дне грязной лужи,
Оно в теле мёртвой кошки,
Оно в непонятном тексте.

Обнимемся.
И продолжим.
Поверить глазам невозможно,
Пока ты не насмотрелся.

Мне помнится, в апреле выпал снег,
Такой, как будто наступил декабрь,
Сквозь стену белых хлопьев, он кричал мне: "С Новым годом!"
Я улыбалась.

Тут главное - успеть, успеть навстречу.
Мне только восемь... стойте. Уже восемь.
Я не скажу подруге, что я рассчитала
Время, когда он выходит в школу.

И я бегу, и забываю юбку,
И забываю ключ в квартирной двери.
Мне только восемь... стойте. Уже восемь.
И я уже не полюблю сильнее.

Мне помнится: идём вдвоём по снегу
И говорим. Казалось, бесконечно.
Хотя теперь я знаю, что беседа
Могла продлиться только полчаса.

И больше я не помню ничего, на самом деле.
И знаю только то, что он теперь женился
И ничего не знает о стихах.

Осколки стекла в темноте - мой маяк.
Я иду, и мне страшно и странно.

Кто расскажет, что надо делать и как?
Из мрака во мрак, из мрака во мрак.

Захожу.

Вот я дома
Прибита вопросом к дивану.

Вот собака пришита к другой собаке.
Вот собака сломала кому-то шею.
Вот собака погрызла моей маме руки.

Вот я дома
Прибита вопросом к дивану.

Вот котят продают: 10 тысяч - и ваш.
Вот котят раздают: только в добрые руки.
Вот котят завязали в пакет и бросили в бак.

Вот я дома
Прибита вопросом к дивану.

Выхожу.

Из мрака во мрак, из мрака во мрак.
Осколки стекла в темноте – мой маяк.

Кто расскажет, что надо делать и как?
Я иду, и мне страшно и странно.

Судный день,
Судный стол -
всё, как судно, качается.

Как болит голова.
Как болит карандаш.

Делай вид, что тебе
всё это не нравится,
и подумай потом,
что за это отдашь.

Судный день,
Судный Омск -
ветер с берега.

Здесь моряк-не моряк
говорит: "Сколько я тебе должен?"
вместо "Я тебя очень люблю".

Тяга болезнь,
плакать хочется -

Неразборчивый слог,
как последний глоток,
и губами, и сердцем ловлю.

Рассуди меня, да не сможешь.
Отключи нас, да только мы станем громче.
Деньги за вход попроси, да только я здесь всех знаю.
Нам песня строить и жить помогает.

Я люблю тебя - пошло, наивно, бессвязно -

поэт, музыкант, режиссёр и стендапер,
застенчивый зритель, нищий организатор,
мерзкий циник, слабый предприниматель,
студент-продавец, неизвестный солдат,
потный грузчик и вмазанный школьник,
мать, забывшая сына в машине,
отец, что однажды выйдет в окно или ляжет в сугроб,
первый парень, "бесплодный" и "не заразный",
работяга, сверлом продырявивший мозг -

Я люблю тебя - пошло, наивно, бессвязно -
город Омск, город Омск, город Омск, город Омск.

Отцы умирают рано.
Мы, родившиеся в девяностые,
уже не кичимся смертью отцов.

Вполне бытовой вопрос:

- А как умер твой папа?

- Выпал из окна.
- Не вернулся с войны.
- Расстреляли ларёк.
- Уснул в сугробе.
- Не знаю, мне не сказали, кто он.

Папа -

он бы пришёл и всё понял,
когда ты не можешь не плакать в 14 лет,
когда в 12 мама закрыла тебя на замок,
когда в 17 тебя забирают ночью из полицейского участка,
и молчание по дороге домой
такое напряжённое.

Ты напоминаешь отца

глазами и улыбкой.

Знаешь, как он служил в армии.

Знаешь, что он был самым умным и самым сильным,
даже если тебе этого не рассказывали .

Но, возможно,
мама боялась и прикрывала голову
от ударов, а не подставляла щеку
под поцелуи.

Возможно,
папа отвратительно шутил
и надеялся, что
ты уж точно исполнишь его мечты.

Возможно,
это папа расстрелял ларёк.

Возможно,
он искал бы тебя на улицах,
громко крича твоё имя,
разбивал бы твои телефоны
и сжигал бы твою одежду.

Но нет -
он просто отдал тебе
глаза и улыбку.

Спасибо ему на этом.

Пусть тебе приснится,
что ты исправил всё, что хотел исправить,
что каждый твой шаг – осмыслен.

Пусть приснится,
что та твоя любовь случилась,
но благополучно закончилась,
уступив место этой – новой.

Но если всё это невозможно даже во снах,
пусть тебе приснится,
что мы взяли за руки
и шагнули с обрыва,
не жалея
ни о чём.